

Под началом семьи Гу находились четыре подразделения: Ветер, Огонь, Гора и Лес. Навигационный маршрут Наси, закрепленный за Гу Хуайчжаном, достался лишь крошечному, совершенно не элитному отряду, входящему в состав подразделения Огня, которое отвечало за закупку и транспортировку наступательного вооружения. По сути, эта группа была самым известным сборищем бездельников во всей семье Гу. Их предки когда-то принимали на себя чужие грехи или закрывали собой главу клана, но сами они были ни на что не годными лодырями, которые только и умели, что набивать брюхо.

Нетрудно догадаться, что с такой командой Гу Хуайчжану приходилось самому заниматься маскировкой оружия, изучать маршруты и прогнозировать погодные условия. За год его способности совершили качественный скачок.

Гу Хуайчжан удалил файл, заставив себя забыть о том, что видел его. Его мысли вернулись в реальность, когда в дверь постучали. Гу Хуайчжан яростно рывкнул:

— Я же говорил, что к моему кабинету приближаться запрещено, а беспокоить меня — тем более!

Стук на мгновение стих, а затем последовало еще три настойчивых удара.

— Проваливай! — выкрикнул Гу Хуайчжан.

Человек за дверью помедлил:

— Молодой господин, пора ужинать.

— Какой еще ужин? Я от злости уже сыт по горло!

Гу Цзю отозвался:

— О, тогда я составлю вам компанию на прогулке.

Гу Хуайчжан молчал.

Не дождавшись ответа, Гу Цзю с сомнением оглянулся на Юли, стоявшего поодаль. Тот подбодрил его, показав большой палец. Гу Цзю решительно кивнул и снова поднял руку.

Дверь резко распахнулась, и рука Гу Цзю повисла в воздухе. Юноша, стоявший перед ним, щелкнул его по лбу и лениво произнес:

— Гу Цзю, ну почему ты такой назойливый?

Гу Цзю озадаченно моргнул:

— Потому что время ужина давно прошло.

Гу Хуайчжан замер. Мужчина перед ним был действительно хорош собой: волевые, четкие линии лица в сочетании с невинным выражением создавали тот самый эффект обаяния на контрасте. Гнев Гу Хуайчжана мгновенно улетучился. Он небрежно бросил:

— Впредь не беспокой меня, когда я в кабинете. Пойдем ужинать.

Гу Цзю тут же прилип к нему, оставив Юли в одиночестве с озадаченным выражением лица.

Гу Хуайчжан, чьи мысли были заняты тем, что осталось в кабинете наверху, ел рассеянно. Ужин был изысканным и обильным, но он ограничился лишь миской каши. Как только он отложил палочки, миловидное личико Юли тут же вытянулось, и дядя Гу осторожно заговорил:

— Молодой господин, вы съели совсем мало.

Юли с надеждой посмотрел на Гу Хуайчжана.

Тот на этот раз не стал щадить чувств дяди Гу и нетерпеливо нахмурился:

— Я сыт, пойду на прогулку. — Сделав пару шагов, он остановился и добавил: — И чтобы никто не смел идти за мной!

В тот же день Гу Хуайчжан подвернул ногу. На следующий день ушиб колено, а на третий... на третий день внешне ничего особенного не произошло, но когда Гу Цзю заправлял постель своего юного господина, он случайно заметил огромный синяк под воротом его пижамы.

...И так далее. Не зная правды, можно было подумать, что он ходил на боксерские ринги.

Вскоре наступил день начала занятий. Юли загрузил расписание курсов и список важных школьных мероприятий в коммуникатор Гу Хуайчжана, сформировав общий график. Хотя для Гу Хуайчжана этот день ничем не отличался от других, он решил символически отдохнуть: отменил прогулку и лег спать в восемь вечера.

Увы, не сложилось. В семь пятьдесят пять раздался дверной звонок.

— Придумай любую причину и спровадь их. Даже если это ваш любимый Хэ Минъюань, не пускайте его.

Дядя Гу покорно кивнул и открыл дверь:

— Молодой господин спит... Старшая барышня?

Это была Гу Вэйцзинь.

Даже Гу Хуайчжан, уже успевший подняться на полпути к своей спальне, удивленно обернулся:

— Вэйцзинь?

Гу Вэйцзинь была умной, послушной и училась на отлично, за что пользовалась особой любовью Гу Чжичжоу. Насколько было известно Гу Хуайчжану, она подавала документы в Императорскую королевскую академию. Почему же она оказалась в Осборне накануне начала семестра?

Заметив сомнение в глазах брата, Гу Вэйцзинь кокетливо улыбнулась:

— Я передумала и решила учиться здесь. Старший брат совсем обо мне не заботится.

Ее капризный тон звучал настолько естественно, будто между ними была искренняя родственная привязанность.

Раз уж в дом пожаловала всеобщая любимица, Гу Хуайчжан не мог просто так ее выпроводить. Он велел Юли принести чай и закуски, а сам чинно уселся на мягкий кожаный диван в личной гостиной, который дезинфицировали по восемь раз на день.

— Почему ты приехала так поздно одна? Где твой раб? — мягкий упрек идеально демонстрировал заботу старшего брата.

— Ох, в студенческом общежитии нет мест для рабов, поэтому я не стала его брать, — невинно улыбнулась Гу Вэйцзинь.

У старшего сына семьи Гу в Осборне был огромный особняк, а вот у младшей дочери, которую, по слухам, Гу Чжичжоу любил больше всего, таких привилегий не было. Похоже, сплетни о том, что в семье Гу не ценят старшего сына, были беспочвенны.

— Переезжай сюда, здесь много свободных комнат. Ты впервые уехала из дома, негоже оставаться без слуги, — тон Гу Хуайчжана не допускал возражений.

Впрочем, это была лишь вежливость; он был уверен, что Гу Вэйцзинь не согласится.

Так и вышло.

— Нет, спасибо. Я наконец-то избавилась от маминого надзора и не хочу жить под присмотром брата. У меня прекрасные отношения с однокурсниками, — она лукаво подмигнула. — В любом случае, если что-то случится, брат ведь не оставит меня в беде? Кстати, я слышала, ты каждый

день гуляешь? Можно мне с тобой?

Гу Хуайчжан не знал, откуда она об этом прознала — включая его самого, об этом знали от силы человек десять. К тому же места для прогулок он выбирал укромные, так что встретить там однокурсников было почти невозможно.

Гу Хуайчжан невозмутимо ответил:

— Конечно, но я гуляю только по своему саду. Если переедешь сюда, я буду составлять тебе компанию каждый день.

Гу Вэйцзинь покачала головой:

— Тогда не стоит. Свобода мне дороже, чем прогулки с братом. Но я буду часто тебя навещать.

...

Гу Вэйцзинь пробыла недолго — она лишь заскочила отметиться. Хотя намеченное время отхода ко сну было нарушено, Гу Хуайчжан не мог уснуть. Он сидел на диване с мрачным видом, не двигаясь и не говоря ни слова. Он даже не удосужился сыграть роль заботливого брата и спросить, есть ли у сестры зонт и как она собирается добираться до общежития под проливным дождем.

Он не верил, что она отказалась от Императорской академии из-за того, что ей было жалко расставаться с матерью. Зная ее, он был уверен: в Осборне есть нечто, привлекающее ее больше, чем столичная планета.

Что же это может быть?

Внизу скрипнула входная дверь. Дядя Гу поспешил навстречу. Гу Цзю вошел в дом, насквозь промокший, с него ручьями стекала вода. Дядя Гу, словно увидев спасителя, бросился к нему:

— Ох, ну что же ты так! Скорее переоденься, а то простудишься завтра...

Гу Цзю взял у него сушилку, тряхнул волосами, словно крупная собака. Гу Хуайчжан посмотрел на него, и его лицо немного смягчилось:

— Я же просил тебя взять зонт.

Гу Цзю кивнул:

— По пути домой встретил девушку и отдал зонт ей.

Дядя Гу пробормотал:

— Конец...

Разумеется, лицо Гу Хуайчжана переменялось:

— Решил проявить галантность, да? Это был зонт хозяина, как ты посмел отдать его кому попало!

Гу Цзю недоумевал: молодой господин обычно не был таким мелочным, подумаешь — зонт. Но раз уж он такой красавец, пусть говорит что хочет. Гу Цзю кивнул:

— Хорошо, завтра схожу и заберу его обратно.

Гу Хуайчжан пришел в еще большую ярость:

— Взял, вернул... Отлично, Гу Цзю! Ты что, решил здесь сцену из Легенды о Белой Змее разыграть?

Гу Цзю молчал.

Дядя Гу, с трудом сдерживая стон, пробормотал:

— Может, это была и не старшая барышня... — Но не успел он договорить, как Гу Хуайчжан одарил его таким ледяным взглядом, что тот поспешно замолчал.

В ту ночь никто не выспался. С тех пор Гу Цзю старался даже не произносить слово зонт в присутствии Гу Хуайчжана.

Дальше дни потянулись однообразно: занятия, кабинет, прогулки. Дядя Гу ворчал, Юли готовил, а Гу Цзю заправлял постель своего господина. Все остальные хлопоты по дому лежали на наемном персонале, так что рабы в семье Гу жили лучше, чем обычные люди.

Гу Цзю от скуки был готов покрыться плесенью. Хотя целыми днями он спал, ясности в голове не прибавлялось; он по-прежнему ничего не помнил о своей жизни до потери памяти. В любом случае, вряд ли он жил так беззаботно. Но от безделья рождаются ссоры, и ему казалось, что если так пойдет и дальше, этот жеманный Юли, который вечно смотрел на него косо, точно начнет цепляться.

Да, речь именно о Юли.

С самого первого дня, как Гу Цзю попал в дом, Юли невзлюбил его. Гу Цзю подозревал, что тот ревнует его к хозяину. Хотя сам Гу Цзю считал иначе — ведь это он баловал своего милого юного господина! Иначе зачем бы он заправлял постель, складывал одежду? Ах, если бы господин позволил, он бы и мыться ему помогал, и кровать согревал.

...

Таковы были краткие размышления раба с весьма причудливым складом ума.

В первые выходные после начала семестра Гу Цзю, как обычно, приводил в порядок спальню. Он как раз ломал голову, какое масло выбрать для господина — лавандовое для спокойного сна или луговое для легкого дыхания, — как вдруг почувствовал тревогу.

Через три секунды дядя Гу и Юли, сидевшие внизу и смотревшие развлекательную передачу соседней звездной системы, увидели, как черная тень пулей вылетела из дома.

— Это был Гу Цзю?

— Кажется, да?

— Эй, сигнал пропал.

— ...

Гу Цзю выскочил из виллы и побежал к тренировочной площадке. Тревога в душе усиливалась. На перекрестке он на мгновение замер, а затем решительно бросился влево.

Эта дорога вела к боковой калитке тренировочного поля.

И Гу Цзю отчетливо почувствовал запах крови.

<http://bllate.org/book/20180/2010113>